

ПУТЕШЕСТВИЕ В ЕГИПЕТ

Прошу извинить за сюжет слегка траурный. Правда, лишь поначалу, но станет ли веселее к концу?

Новая газ. - 2000. 21.27 авг. - с. 15

...Недавно мы с женой выбрались на Новодевичье — в частности, побывать на могиле Олега Ефремова. А возле нее вспомнилось, как несколько лет назад в дни псковского Пушкинского фестиваля мы группой ездили во Псково-Печорский монастырь, и там, на выходе из знаменитых «печор», пещер, где хоронят монастырскую братию и кое-кого из мирян, Ефремов живо любопытствовал у сопровождавшего нас послушника: мог бы тут лечь человек посторонний? Скажем, вот он? На что наш жокай, блеснув железным зубом, отвечивал: «Вас, Олег Николаевич, мы бы уважили, а вот что до прочих артистов...»

Понимай: бесовская, дескать, профессия.

Между прочим, не помню, незадолго до того или чуть после, но в том же монастыре прошел скандал. За мзду в пещоры был помещен прах уголовного авторитета, грохнутого такими же.

Кто как, а я рад, что Ефремов, грешный человек бескорыстных страстей, лег в старой части Новодевичьего, рядом со «святым Константином», со Станиславским. Заслужил право лежать не там, «где торчат, словно попки на вышке, маршала, маршала, маршала» (из стихов Владимира Корнилова), где трижды лагерник Смеляков зарыл рядышком с тем, кто его посадил; Папанов рифмуется по-соседски с Папаниным; со-

вноменклатуру олицетворяют, также соседствуя, Серушкин и Заколупин; где превыше надгробий «творческих интеллигентов» возносится памятник культурного министра с патетической эпитафией... А я опять вспоминаю: идет «сдача», верней, трагическая несдача любимовского «Годунова», режиссер произносит отчаянную речь, и, не глянувши в его сторону, трясая от негодования щеками, уходит этот самый министр-запретитель...

Ладно. Будем по возможности незлопамятны. Просто:

«Здесь лучше всего понимаешь, в какой стране живем», — сказала тогда моя жена, и впрямь: что говорит о нас современательная пышность официального мемориала, сочетающего безвестность навсегда позабытых совбюрократов с надгробной помпезностью, которая настаивает на забываемости оставленного ими следа?

В какой стране живем... Да вот в такой. Когда-то поэт Винокуров пересказал слова Эренбурга: мол, когда в двадцатых тот воротился в Россию из Франции, в нем теплилась надежда на европеизм новой власти. Как-никак за ней — эмиграция, Лондон, Женева...

«Но как только я увидел мавзолеей, понял: Египет!»

Хотя было ли у фараонов, на века строивших для себя усыпальницы-пирамиды и, похоже, по древнему простодушию не сомневавшихся в вечности своей славы, — было ли у египтян то, что отличает наших сильных мира сего? А именно — нервный комплекс неполноценности? Дрожь от сознания шаткости своих дел и самого своего бытия? То, что давно и надолго определило исторический ритм жизни целой страны...

«Мы все имеем вид путешественников, — когда еще написал гениальный Чаадаев. — Дома мы будто на постое, в

семействах как чужие, в городах как будто кочуем...»

Верно, верно — и для всех, сверху и донизу, от правителей-временщиков до наивно-безвредных бардов, воспевающих как панацею традиционный российский «убег»: «А я еду, а я еду за туманом...» Иллюзия и дорога, сказал Бродский. Да. Дорога как иллюзия; евангельское умывание рук как верное средство духовной гигиены.

Вот, значит, и оформляем по-фараонски вечный постой, наконец переставши нервничать и дрожать. Кончается жизнь, вместе с нею и страхи ее — что остается? Иерархия, заражающая опять-таки всех. С черным юмором припоминаю, что, когда безвременно умер Сергей Курехин, авангардист, принципиальный отщепенец, к тому ж подавшийся в национал-большевики, его друзья пылали негодованием: отчего правительство не устроило ему государственных похорон? Но чего ж вы тогда фырчите на Шилова — Глазунова?

(Признаюсь — ох! — что не слишком сочувствую обидам на то, что кого-нибудь из достойных не удостоили престижного места на кладбище. Пуше того, подчас раздражает забота «друзей и близких» уложить дорогого покойника непременно к Заколупину и «маршалам»... Я не прав? — как говаривает один телеведущий.)

Неизлечимые номенклатурщики — даже в рядах «демократов» (примеры нужны?). Жаждающие помпезности или хотя бы разучившиеся отличать ее от величественности —

чего стоят споры о возврате Дзержинского-идола на родную Лубянку. Самые непримиримые антидзержинцы, демонстрируя эстетический плюрализм, оговаривались испуганно: «Конечно, это произведение большого искусства...», и мне всякий раз хотелось обратиться к ним вопросом, каким Эрнст Неизвестный когда-то сразил чекистского генерала: «В какой руке у него фуражка?».

«Все те же мы...» Может, и хуже, ибо по-нашенски понятая свобода, в том числе вкуса, превратила Москву в сброд башен и башенок, не глядящих, как положено, в небеса, а меряющихся вульгарным мирским самолюбием: кто главнее и выше? Сталинская номенклатура по крайности пряталась за заборами, финально отыгрываясь на вызывающих пирамидах своих могил, — наши же, что власти, что «новые русские» (где меж ними граница?), судорожно самоутверждаются нагромождением дворцов, этих прижизненных мавзолеев и пирамид... В предчувствии, что ли, что скоро и их — кого снимут, кого и грохнут?

...Кстати, когда мы с женой покидали Новодевичье, в ворота деловитой, уж никак не экскурсионной походкой проществовали четверо с крутыми затылками и золотыми цепями. Знают, стало быть, свое место...

А чье же еще?

● Станислав РАССАДИН

Фото Пааты Арчвадзе